

УДК 821.161.1-1.09(045)

*Г.О. Пашиева, О.Н. Матвеева***СИМВОЛИКА НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ Н.С. ГУМИЛЕВА:
ЛУНАРНАЯ СИМВОЛИКА**

В статье выявляются основные функции символизма луны в поэзии Н. Гумилева как части концепции космизма. Описаны основные семантические группы, проведен сравнительный анализ сходных и противоположных мотивов в интерпретации луны, определяется влияние биографических фактов на трактовку традиционных народных представлений, обосновываются индивидуально-авторские концепции лунной «бледной девы», вводится понятие сугубой значимости мотива путешествия как способа познания мира. Интерпретируются статистические данные, определяющие характер и количество упоминаний концепта «луна» в поэтическом тексте. Вводится гипотеза о плодотворности дальнейших наблюдений за интерпретацией небесных светил и иных космических объектов в творчестве Н. Гумилева в аспекте построения художественной модели.

Ключевые слова: символика, эмблема, астральные образы, мифология, поэзия Н.С. Гумилева.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1072-1078

Образ небесных светил является важным аспектом русской национальной картины мира, элементом системы поэтических ориентиров и культурных установок, способом обозначения действительности. Лексика, служащая для номинации космических тел «солнца» и «луны», воплощает взаимосвязь традиционного (народного) и поэтического (индивидуально-авторского) восприятия пространства. Не является исключением в этом плане творчество представителя Серебряного века Н.С. Гумилева – поэта и путешественника. Принимая во внимание концепт «перемещение» в пространстве художественного мира, нельзя не отметить, что астрономические образы становятся не только традиционными эмблемами, но и конкретно-осязаемыми координатами странствия. Солярно-лунарные образы воспринимаются как неотъемлемая часть поэзии Н.С. Гумилева, будь то элемент «психологического пейзажа», метафорическая образность или часть исторического контекста.

Репрезентанты образа «луны» в творчестве Н.С. Гумилева представлены широким спектром единиц в прямом и переносном значении, объединенных семантической общностью, структурными отношениями, дифференцированы на несколько тематических групп сообразно их традиционному или индивидуально-авторскому значению.

Значимость и особый статус лунарной символики в творчестве поэта определили актуальность данного исследования, цель которого состоит в воссоздании специфики художественного воплощения образов небесных светил в лирике Н.С. Гумилева.

В качестве основной проблемы исследования выступает попытка моделирования художественного пространства текста, где основными координатами выступает образ «луны» и его модификации как воплощение философских и эстетических взглядов поэта.

Цель исследования состоит в комплексном описании прямых и вторичных наименований небесных светил с позиций структурно-семантического и функционального своеобразия, воплощенного в поэтических текстах Н. С. Гумилева, как часть концепции «космизма», востребованной в рамках литературного периода Серебряного века.

Поставленная цель исследования определяет следующие задачи:

1. Определить состав тематических групп, репрезентирующих образ «луны» в поэтических текстах Н. С. Гумилева, с учетом культурологической и индивидуально-авторской специфики, проследить тенденции частотности их употребления;

2. Выявить и описать особенности прямых («луна», «месяц») и семантически связанных («ночное светило», «Бледная Дева луны») образов небесных светил в лирических произведениях Н.С. Гумилева;

3. Воспроизвести индивидуально-авторскую модель как часть популярной в начале XX в. концепции «космизма», постулирующей взаимосвязь всего сущего, единовременное познание мира и внутреннего «я» лирического героя; выявить особенности трактовки народных традиций в поэтическом тексте;

4. Выделить индивидуальные мифопоэтические трактовки небесных светил и «луны» в творчестве Н. С. Гумилева, как символов «духовного странствия», как фона для отображения исторических

концепций, как воплощение особенностей художественных приемов и методов построения поэтического текста.

В работе используются следующие: описательно-классификационный, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; метод структурно-семантический; когнитивный, включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

В качестве материала исследования послужили номинативы небесных светил (123 наименования «луны», представленные различными моделями словоупотреблений), извлеченные методом сплошной выборки из поэтических текстов Н. С. Гумилева. Для сопоставительного анализа в ряде случаев привлекались произведения других авторов первой половины XX в.

Лунарный (лунный) пейзаж традиционно считается антиподом солярного (солнечного) пейзажа. Данное обстоятельство, с одной стороны отражает противопоставление «солнца» и «луны», с другой стороны, свидетельствует о взаимосвязи данных небесных светил. В мифологическом сознании эта тенденция часто находит отражение в изображении семейных уз, возникающих между светилами. Так, в египетской мифологии богиня луны – Тефнут и ее сестра Шу – одно из воплощений солнечного начала, считаются близнецами. В индоевропейской и балтийской мифологии широко распространены мотив ухаживания Месяца за Солнцем. В римской мифологии Луна приходится сестрой богу солнца Гелиосу [12, с.123].

В то же время фольклорные лунарные образы («месяц светлый», «месяц ясный», «луна-девица», «луна-печальница», «луна-купальница») могут вступать в полемику с индивидуально-авторскими особенностями мировосприятия поэта, в результате чего в текстах нельзя не отметить амбивалентность трактовки небесных светил в целом и в творчестве поэта в частности.

Вопреки общепринятому представлению о Н. Гумилеве, как о «солнечном поэте», луна играет в его творчестве не менее значимую роль, отчасти продолжая солярную символику («луна» как символ недостижимой любви, сакрального, божественного начала, путешествия), отчасти полемизируя с интерпретацией дневного светила. Возможно, сходство восприятия небесных тел обусловлено физическим свойством ночного светила служить источником отраженного света, соответственно, позволяет судить о возникновении и трансформации ночных проекций «солнечных» событий [9, с. 95]. В количественном плане упоминание луны в различных словоформах составляют более 40 % от проанализированного материала, при этом «солнце» на практике обладает более широким спектром синонимических понятий («заря», «восход», «рассвет», «закат»), в то время как «луна» дает редуцированный круг словоформ. Собственно говоря, в поле исследования оказались три наиболее употребительных концепта: «луна» (и формально сходные «полнолуние», «новолуние») – около 88%, «месяц» – 9 %, метафорическое «ночное солнце» – 5%.

Принимая во внимание всю полноту символики, традиционно приписываемую, лунному пейзажу, нельзя не отметить его разнообразие. В мифологии луна играет неоднозначную роль, с одной стороны, ночное светило трактуется как владычица ночи, «солнце мертвых», покровительница колдовства и темных сил, с другой, луна – извечный символ женского материнского начала, помощница рожениц и молодых матерей. Амбивалентность луны отражается в одновременном сосуществовании различных ипостасей персонифицированного божества. В западной (древнегреческая и древнеримская) мифологии Луна-Селена выступает как богиня женственности, Артемида, сестра солнечного бога Аполлона, считается символом девственной природы, непорочности, Геката интерпретируется как демоническая богиня тьмы и призраков, покровительница иллюзий и обманов. В литературе возникает и трансформируется разделение лунного образа как символа непорочности (Артемида), смерти (Геката) и одновременно несчастной любви (Селена) [12, с. 236]. В сущности, негативность лунно-женского начала трактуется как пассивность, изменчивость, неустойчивость, что, в свою очередь, становится элементом «вечной женственности» Серебряного века, таинственной Незнакомки А. Блока [7, с. 200].

Для поэтов и писателей привлекательной казалась взаимосвязь лунарной символики и мира грез – второй природы творческой личности. Также образ луны вызывал интерес сообразно своей способности прибывать, убывать и исчезать, как отражение всеобщего закона рождения, становления и смерти. В отличие от луны, «Солнце всегда одно и то же, всегда равно себе, никогда ни в каком смысле не пребывает в становлении» (М. Элиаде).

В творчестве Н.С. Гумилева на первый план выступает именно любовный трепет, просыпающийся в свете грустного сияния ночного светила (около 39 %). Сугубую значимость лунарной символики можно ощутить в стихотворении «Свидание», где номинатив «луна» в различных формах упоминается 12 раз. В отличие от солнечной «великой жены, одетой в свет», луна воплощает робкую влюбленность, окутанную мраком тайны и мистицизма. Это «бледная царица», неземная дева с серебристыми волосами, чей голос тих, краски тусклы. Особое значение приобретает родовая принадлежность концепта «луна», если «солнце» в лирике Н. С. Гумилева существует в концептах с различной гендерной характеристикой, то лунный пейзаж практически всегда лиричен и женственен.

Влюбленность, протекающая под покровом ночи, окрашена оттенками печали и грядущей разлуки, («томлюсь от луны») облик луны зыбок и непостоянен, но лишен негативных эмоций. Символ луны – бледный лотос, расцветающий на болоте, жемчуга в сложном кружеве подвесок, тихий ненавязчивый звук арфы или флейты («Сказка о королях»). Ночной пейзаж вообще достаточно насыщен звуковыми элементами – шорох часов, стук сандалий, пение, шепот, еще более отчетливых на фоне «неземной тиши». В отличие от златокудрой, с очами цвета неба «Девы Солнца», визуальное изображение «Дочери месяца» не конкретизировано, среди постоянных атрибутов упоминаются только тонкие бледные руки возлюбленной («Вечер», «На берегу моря»), акцентируется не лицо, а тело, томящее неясной белизной, как лепестки белых цветов («Портрет»). При этом лунная любовь более доступна, осязаема («словно приблизилась тайна»), лирический герой ведет длительные беседы с возлюбленной в свете «закатно-лунных вечеров, может коснуться единственных в подлунном мире губ.

Вместе с описанием любви к земной женщине, которое осуществляется при лунном пейзаже, в поэзии Н. Гумилева достаточно распространен прием олицетворения этого образа: луна может являться не элементом фонового пейзажа, а персонализированной возлюбленной лирического героя («уронила луна из ручек», «я никогда о певице не думал, луну в облаках полюбив», «легкой поступью к тебе нисходит <...> луна»).

В тех случаях, когда луна выступает не как персонифицированный субъект, а как фоновый элемент, усиливается мотив одиночества, обреченности любовного чувства – все слова и обещания становятся ложью в свете солнца («лишь бред весны и сны»).

На ином смысловом уровне продолжается тема влюбленности в другой группе стихотворений, объединенной концептом божественного, сакрального начала. В количественном плане это группа существенно меньше той, что интерпретирует солярную символику. Она, беднее и по наполнению. Отчасти это связано с второстепенной ролью луны-источнику отраженного света. Образ ночного светила встречается практически в тех же конструкциях, где доминирующую роль играет солнце. Например, в стихотворении «Слово» упоминается об останавливающем солнце Слове. Луне же здесь вручается оберегающая функция: «...звезды жались в ужасе к луне». Луна передает идентичные солярной символике христианские или мифологические мотивы («знаменем Христа сияла нам луна», «отступник богомольный <...> сдружившийся с луной», «вот Ева <...> то лунная дева, то дева земная»). Идентичны и сказочные персонажи: жираф, змей из одноименных стихотворений, дух леса из поэмы «Мик», уже фигурировавшие в анализе солярной символики. Однако присутствуют и оригинальные литературные и мифологические герои: лунный воин Отелло, герой ирландского эпоса Кухулин, фея Маб на лунном лепестке, бессмертный скиталец Вечный Жид.

Для семантического поля луны характернее представлять ее символом мистики и иллюзорности потустороннего мира. Тень в лунных пейзажах содержит дополнительное значение нереальности, материальные объекты распредмечиваются, теряют очертания. Тени, как и отблеск, отзвук, противопоставляются неясно ощущаемым свету, звуку, зрительно осязаемым предметам, точно также, как солярная символика божественного начала противопоставляется мистицизму луны. Призрачность и обманчивость лунного света находит воплощение на разных уровнях: от безумных плясок ночного маскарада до явления злобного ночного духа с оскаленной пастью гиены. Луна способна увлечь иллюзией, подарить ложные надежды: старая дева видит себя прекрасной нимфой в свете луны; душа странника, подобно лунатику, бесцельно бродит по заброшенным садам. Но пробуждение безжалостно, «тайна некрасива», и пробудившийся от грез лишь «ненужный атом», что никогда не имел семьи, детей и «никогда не звал мужчину братом». Зыбкость существования человека в мире иллюзий изображается в стихотворении «Душа и тело», где его способность познать истину ставится под сомнение, ибо он уподобляется псу, тщетно воющему на луну – символ призрачности его надежд и устремлений.

В сопряжении оформления психологического пейзажа и роли луны как вестницы грядущих бедствий видится трактовка ночного светила в качестве транслятора негативных концептов, «солнца

мертвых». В совокупности общего материала, подвергнутого анализу, этот мотив не является доминирующим (около 17 %), но может представить достаточно интересные для наблюдения образы и смыслы. В лирике Н. Гумилева присутствуют сравнения луны с круглым щитом убитого героя, с маятником, отмеряющим время жизни, но наиболее устойчиво сочетание красной луны и невыразимого животного ужаса, охватывающего героя. Если в воплощении различных чувств и эмоций луна представлена в пастельных мягких тонах, то ее драматическую семантику сопровождают цвета красного спектра, что, в свою очередь, созвучно роли солнца в качестве агрессивного карающего начала. Лик луны при этом не привлекает нежной прелестью, он заманивает в цепкую сеть, пугает неподвижным остановившимся взглядом («Семирамида»), луна страшна («Сомалийский полуостров»), кроваво-красна («Из-за туч, кроваво-красна...»), в ее устрашающем свете механически маршируют у гауптвахты лунатики-солдаты («Городок»). Наивысшей точки эмоциональное напряжение достигает в стихотворении «Всадник», которое представляет собой вольный пересказ произведения В. Гете «Лесной царь». «Волчье солнце – месяц строгий» освещает путь героя, ощущение неминуемого возрастает постепенно – от неясной тревоги при звуках собачьего лая до паники коня, охваченного «древним ужасом». В итоге лошадь возвращается одна. В тексте присутствует характерная деталь – при описании луны применяются слова-заместители «волчье солнце» и «месяц». В целом Н.С. Гумилев достаточно скупно использует данные синонимичные конструкции, в текстах его стихотворений образы луны и солнца вполне идентичны. Однако в этом произведении, повествующем о печальной судьбе одинокого путешественника, «месяц» изображается как мускулистый, подчеркнута карающий образ. Оппозиция «мужской-женский» в мифологической традиции присутствует в некоторых сказаниях азиатского востока, где божество луны трактуется как мужское. Словоформа «месяц» фигурирует в стихотворении «Дездемона»: здесь этот образ с любопытством заглядывает в окно «с чужого небосклона» и тем самым успешно реализует намек на губительную ревность супруга шекспировской героини. В некоторых стихотворениях также обыгрывается серповидная форма месяца, например, в образе лодочки, отправляющей душу усопшего в страну мертвых («Заклинание») или в качестве оружия – лука, с помощью которого Одиссей расправляется с врагом («Возвращение Одиссея») или мечей римских легионеров, окрашенных светом «кровавого месяца» («Рим»). Однако в целом серповидная фаза ночного светила не обладает ярко отличительными чертами.

Картины смерти у Гумилева не окрашены эмоциональной напряженностью восприятия. Уход человека в иной мир представляется поэту как финал житейских тревог и волнений («Бархатом меня покроет вечер, а луна оденет в серебро»), закономерным возданием за грехи (такова казнь согрешившей женщины, что «красива как луна», в стихотворении «Константинополь») или неразгаданной тайной бытия («Как труп бессилён небосклон»).

Продолжая исследовать традиционную для Н.С. Гумилева тему странствий, следует заключить, что лунный пейзаж, несмотря на небольшое количество материала (около 11 % от общего числа проанализированных примеров), можно дифференцировать на три подгруппы. Это морской ландшафт, озаренный лунным сиянием, собственное путешествие от одной локации к другой и духовно близкая, манящая Африка.

Море предстает как стихия, непосредственно связанная с влиянием луны: приливы и отливы влекутся вослед «лунному притяжению», что, в свою очередь, побуждает героя пуститься в плавание, ведь в «лунной грезе морская влага еще прозрачней, еще чудесней» («На мотивы Грига»). Закономерно возникают картины викингов, холодного северного ветра, «седой саги» скандинавских сказаний. Разрабатывая эту тему, Гумилев изображает персонажей так или иначе связанных с солярной символикой: Одиссей пересекает золотой от луны горизонт («Возвращение Одиссея»), Колумб преодолевает черную бездну океана («Открытие Америки»), бесстрашные мореплаватели томятся тоской по недостижимым лунным пейзажам («Капитаны»).

Тема пути в аспекте лунарной символики представлена слабее, в силу менее выраженной характеристики луны как движущегося по небосклону светила. Презентуются экзотические пейзажи южных стран, мирно спящих в свете луны: романтической Болоньи, загадочной виллы Боргезе, теплых волн Красного моря, звенящих под лунными лучами, подобно арфе. Интересно описание старого пилигрима, устало бредущего в сторону Мекки («Паломник»), луна служит ему защитой от шайтана, вора или зверя лесного, что вводит в смысловую ткань произведения символику месяца как символа ислама и, в свою очередь, позволяет уровнять материальное странствие и странствие духа.

Африканская тема вводится в круг интересов поэта неповторимыми пейзажами жаркой ночи с плясками вокруг костра и воинственными криками дикого племени («Африканская ночь»). Экзотика черного континента передана через спектр имен и географических названий: Эзбекие, Изиды, Каир, Египет, султан Гассан, овейна флером легкой грусти, ностальгии по прошлым путешествиям и странствиям. Лирический герой дает обет снова вернуться под пальмы и платаны каирского сада, под сень пирамид, где над мечетью «минарет протыкает луну» («Египет»).

Наконец, обратимся к конструкциям, указывающим на временные характеристики и представленным посредством солярной символики. Их количество чуть более одного процента от общего числа упоминаний небесных светил, поскольку лунный календарь, ориентирующийся на фазы земного спутника, слабо востребован в поэтическом мире Н. С. Гумилева. Мы обнаружили описание только двух конструкций, обозначающих время: «и солнц и лун прошло так много» («Дева солнца»), «двадцать лет обновлялся месяц, пока он дошел до Каира» («Занзибарские девушки»). В первом случае луна как единица измерения времени входит в конструкцию вместе с солнцем и передает мучительность ожидания божественной возлюбленной. В другом случае подобная темпоральная характеристика служит составной частью восточного колорита, исламской культуры, где лунный календарь является важной частью культурной традиции.

Предваряя итоги анализа поэтического текста Н. С. Гумилева, следует отметить, что наглядно-чувственные образы небесных светил служат средством передачи особого эмоционального и эстетического опыта лирического героя. «Луна» позволяет выделить индивидуально-авторскую специфику образа окружающего пространства, обусловленную мировидением поэта.

Суммируя сказанное выше, сделаем ряд заключений соответственно поставленным задачам:

1. В поэтических текстах Н. Гумилева существуют определенные тематические группы, репрезентирующие образ «луны». Наиболее частотной является тема божественного, сакрального, представленная 18% конструкций с упоминанием «луны». Через образ луны воспроизводится тема смерти и грядущей гибели (17%), создается психологический пейзаж, транслирующий те или иные чувства персонажей (16%). Тема странствия как перемещения в пространстве и духовного пути лирического героя воспроизведена в 14 % конструкций, тема земной и небесной любви – в 9%. Луна выражает семантику призрачного, вымороченного существования (5 %). Устойчивый образ «бледной лунной девы», противопоставленный «солнечной жене», является у Гумилева индивидуально-авторской характеристикой взаимосвязи между физическим перемещением в пространстве и странствием духа (паломничества).

2. Несмотря на включение в круг исследуемого материала синонимичных понятий «луна-месячное солнце», следует отметить несомненное доминирование базового понятия «луна» и отсутствие существенных смысловых нюансов в использовании его синонимов. «Луна» и «месяц» практически идентичны в употреблении, кроме тех случаев, когда обыгрывается родовая принадлежность номинатива или его физическая форма: «месяц-лодочка», «месяц-серп». Метафора «ночное солнце» употребляется для передачи негативных коннотаций, связанных с гибелью лирического героя;

3. В творчестве Н.С. Гумилева в полной мере отразилась концепция «космизма» как взаимосвязи всего сущего, окружающего мира и внутреннего «я» лирического героя, познающего мир, философские и этические идеи через духовную сопряженность с космическими объектами (солнце, луна, звезды), через причастность к памяти предков, наделивших небесные светила особыми свойствами и эмблематическими качествами (солнце - символ познания мира, воплощение мужественности и упорства в преодолении препятствий; луна - символ неразделенной любви, одиночества и тайны). Следует отметить, что в целом Н. Гумилев отразил благосклонность Вселенной к человеку, о чем свидетельствует особый позитивный, «солнечный» настрой его поэзии, в свете которого традиционно приписываемые луне негативные коннотации существенно редуцированы в его лирике и выступают на периферии поэтического текста, создавая особый элегический эмоциональный тон.

4. Характеризуя индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве Н. Гумилева, нельзя не отметить несомненное влияние биографических факторов на интерпретацию общекультурной символики. Оно заключается в том, что этот образ воспроизводит поэт-путешественник и исследователь Африки. Важнейший для Н. Гумилева мотив странствия, реализуемый в образе движущейся по небосклону луны, приобретает особую семантику, когда повествование касается Африки, просторов пустынь, саванн, древних городов, в мифологии обитателей которых луна выступает как вполне самостоятельное, чаще всего милосердное божество. Следует также отметить существенное значение «психологического пейзажа», используемого для передачи чувств и эмоций лирического героя и персонажей, активно-деятельных «солнечных» и пассивно-созерцательных «лунных».

Исследование системы образных средств, отражающих интерпретации небесных светил в лирических текстах с учетом мифологических и фольклорных традиций изображения космоса представляется весьма перспективным для расширения представлений об их художественной семантике. Образы небесных светил в лирике Гумилева становятся средством символизации различных состояний человеческой души: дерзания, упорства, печали, понимания призрачности окружающего мира. Солнечный и лунный типы жизни отнюдь не всегда противопоставлены, это две части вечного движения, отсюда возникающие параллели в трактовке солярной и лунарной символики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биль О.Н. Образ космоса в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.
2. Ботанова Е.С. Петербургские небо, солнце, звёзды и луна в лирике А.Ахматовой (оригинальный текст и перевод на английский язык) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4. С. 990–994.
3. Гумилёв Н.С. Избранное, литературно-биографическая хроника / сост. И.А. Панкеева. М.: Просвещение, 1991. 435 с.
4. Гумилев Н.С. Стихи. Поэмы. Тбилиси: Мерани, 1988. 495 с.
5. Кулагина Н.В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. М.: Московский психолого-социологический институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 80 с.
6. Маркович О.Н. Особенности использования космонимов в художественном тексте // Актуальные проблемы функционирования и развития лексики славянских языков: Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию университета. Мозырь, 2004. С. 53 – 56.
7. Н.С. Гумилев: pro and contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. Зобнин Ю.В. СПб.: РХГИ, 2000. 672 с.
8. Полная энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. М.: Эксмо, СПб.: Сова, 2003. 528 с.
9. Раскина Е.Ю., Ревво Ю.А. Метафоры, образы и символы, связанные с луной, в поэзии Гумилева // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара, 2016. № 3. С. 95.
10. Тодоров Ц. Теории символа. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
11. Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков. М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003. 800 с.
12. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.
13. Штырлина Е.Г. Образ луны в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта // Вестник ТГГПУ. 2017. № 3 (49). С. 96-100.

Поступила в редакцию 02.02.2022

Папшева Галина Олеговна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка
E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Матвеева Ольга Николаевна, преподаватель кафедры русского языка
E-mail: kashkolga@yandex.ru.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко»
394036, Россия, г. Воронеж, ул. Студенческая, 10

G.O. Papsheva, O.N. Matveeva

SYMBOLS OF HEAVEN OBJECTS IN MASTERPIECE BY N.S. GUMILEV: MOON'S SYMBOLS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1072-1078

In this article there are the main symbolical meanings of the moon in N. Gumilev's poetry as parts of 'cosmism' model. The main semantic groups are represented, similar and opposite meanings of the moon are compared, influence of the biographic facts on interpretation of national folklore is defined, individual and author's concept of lunar "Pale maiden" is proved, the especial importance of travelling as way of world's researching is showed. The static data defining quantity of mentions of the moon in the poetry are interpreted. The hypothesis of further observations of heavenly bodies and other space object's interpretation in N. Gumilev's masterpiece as an aspect of individual art model is represented.

Keywords: symbolic, emblem, astral images, mythology, N.S. Gumilev's poetry.

REFERENCES

1. Bil' O.N. Obraz kosmosa v poeticheskom slove K. Bal'monta, V. Bryusova, M. Voloshina, N. Gumileva [The image of the cosmos in the poetic word of K. Balmont, V. Bryusov, M. Voloshin, N. Gumilev]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk., Belgorod, 2011. (In Russian).
2. Botanova E.S. Peterburgskie nebo, solnce, zvyozdy i luna v lirike A.Ahmatovoj (original'nyj tekst i perevod na anglijskij yazyk) [Petersburg sky, sun, stars and moon in lyrics by A.Akhmatova (original text and English translation)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, № 4. pp. 990-994. (In Russian).
3. Gumilyov N.S. Izbrannoe, literaturno-biograficheskaya hronika [Favorites, literary and biographical chronicle] / sost. I.A. Pankeeva. M.: Prosveshchenie, 1991. 435 p. (In Russian).
4. Gumilev N.S. Stihi. Poemy. [Poems. Poems], Tbilisi: Merani, 1988. 495 p. (In Russian).
5. Kulagina N.V. Simvol kak sredstvo mirovospriyatiya i miroponimaniya [Symbol as a means of perception and understanding of the world], M.: Moskovskij psihologo-sociologicheskij institut; Voronezh: MODEK, 1999. 80 p. (In Russian).
6. Markovich O.N. Osobennosti ispol'zovaniya kosmonimov v hudozhestvennom tekste [Features of the use of cosmonyms in a literary text] // Aktual'nye problemy funkcionirovaniya i razvitie leksiki slavyanskikh yazykov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu universiteta [Actual problems of functioning and development of the vocabulary of Slavic languages: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the University], Mozyr', 2004. pp. 53–56. (In Russian).
7. N.S. Gumilev: pro and contra. Lichnost' i tvorchestvo Nikolaya Gumileva v ocenke russkikh myslitelej i issledovatelej. Antologiya [N.S. Gumilev: pro and contra. The personality and creativity of Nikolai Gumilev in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology] / Sost. Zobnin Yu.V. SPb.: RHGI, 2000. 672 p. (In Russian).
8. Polnaya enciklopediya simvolov [The complete encyclopedia of symbols] / Sost. V.M. Roshal'. M.: Eksmo, SPb.: Sova, 2003. 528 p. (In Russian).
9. Raskina E.Yu., Revvo Yu.A. Metafor, obrazy i simvol, svyazannye s lunoj, v poezii Gumileva [Metaphors, images and symbols associated with the moon in Gumilev's poetry] // Aktual'nye problemy i dostizheniya v gumanitarnykh naukah: sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems and achievements in the humanities: collection of scientific papers on the results of the international scientific and practical conference], Samara, 2016. № 3. p. 95. (In Russian).
10. Todorov C. Teorii simvola [Symbol theories], M.: Dom intellektual'noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998. 408 p. (In Russian).
11. Turskova T.A. Novyj spravocchnik simvolov i znakov [New directory of symbols and signs], M.: RIPOL-KLASSIK, 2003. 800 p. (In Russian).
12. Epshtejn M.N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii ["Nature, the world, the secret place of the universe...": A system of landscape images in Russian poetry], M.: Vyssh. shk., 1990. 303 p. (In Russian).
13. Shtyrlina E.G. Obraz lunny v poeticheskom tvorchestve K.D. Bal'monta [The image of the moon in the poetic work of K.D. Balmont] // Vestnik TGGPU [Bulletin of TGGPU], 2017. №3 (49). pp. 96-100. (In Russian).

Received 02.02.2022

Papsheva G.O., Candidate of Philology, Lecturer at Russian Language Department

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Matveeva O.N., Lecturer at Russian Language Department

E-mail: kashkolga@yandex.ru

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Studencheskaya st., 10, Voronezh, Russia, 394036